

А. Верба

Смятение

СТИХИ

Александр Верба
Смятение. Стихи

«Издательские решения»

Верба А.

Смятение. Стихи / А. Верба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839042-5

В сборник «Смятение» вошли стихи разных лет московского поэта Александра Вербы. В них оживает калейдоскоп размышлений, сомнений, переживаний, — всё что наполняет духовный мир человека.

ISBN 978-5-44-839042-5

© Верба А.
© Издательские решения

Содержание

На добро!	7
В истоке дня	8
Я – папоротник	9
Сомкнутся строки	10
Источник вдохновенья	11
За городом такая ночь!	12
Дни как чётки	13
Друзьям потерянным	14
Новогоднее. Грустное	16
Размышление на кладбище	17
Размышления на пути к храму	19
Сон-трава	20
Я – сын Надежды	21
Родимый дом	22
Городской соловушка	24
Бульварное кольцо	26
Болеро дождя	28
Идём под радугу!	30
Вязниковские вишни	31
Май	32
Белое на белом	33
Белая ночь	34
Полевые цветы	35
Осколки лета	36
Пока нет мух...	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Смятение Стихи

Александр Верба

Иллюстратор Илона Таубе

Фотограф Александр Верба

© Александр Верба, 2017

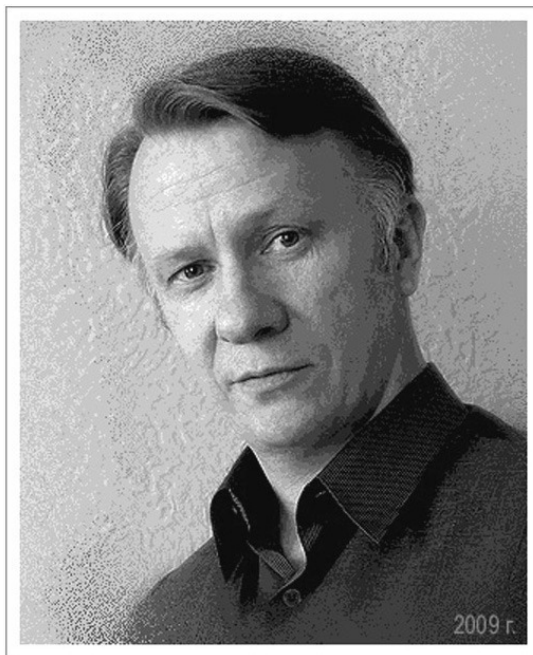
© Илона Таубе, иллюстрации, 2017

© Александр Верба, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-9042-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Верба

*Забыв, как мир порой жесток,
Люблю в тиши уединенья
Найти душе отдохновенье
Под тихий шёпот мерных строк.*

На добро!

К чему терзать стихами злобу дня?
Ведь в этих днях и так немало злобы.
Хочу, чтоб строки вышли у меня
На радость дня и на его добро бы!

Как часто в днях от самого утра,
В апатии их, или нервной дрожи
Мы ощущаем дефицит добра, —
Как друг на друга эти дни похожи!

И мне не хочется терзать пером
Внимание ваше, редкое такое.
Лишь добрых слов немного серебром
Хочу рассыпать рифменной строкою!

В истоке дня

Всем сердцем верить в то, что мы вершим,
Сомнением терзаться в совершённом,
И, даже если сам непогрешим,
С рассветом воскресать преображённым.

В истоке дня, где тихо гаснут сны,
Подняться с утренними петухами,
Забыть, как будни блеклы и грустны,
Пить чай с хорошими на вкус стихами,

Забыть свой возраст в чередѣ времѣн
И силой неосознанного зова
Почувствовать, как день в луну влюблѣн,
Как удивительно, и как прекрасно слово.

Я – папоротник

Мой мир в тени недвижимого эфира,
Где человек – совсем нечастый гость.
Здесь зреет звук отдохновенья мира,
Но вам его вдохнуть не довелось.

Лишь только раз в году я расцветаю —
В короткую, перед Купалой, ночь.
Дурманом вдохновения витаю,
Чтоб летаргию духа превозмочь.

В тот миг во мне все колдовские нити,
Свивают крохотный огонь-цветок.
Ладони чашею под ним сомкните,
Нектара стёкшего один глоток,
Отпейте, чтоб завесы тайн упали...

Но сладок сон ваш в ночь перед Купалой.

Сомкнутся строки

Когда в миру всё кажется притворно
И в личной жизни всё идёт не так,
Я для души оставлю лишь пустяк —
Полёт любви на крыльях стихотворных.

Возьму манящий белизной листок
И в час без сна, уныло-бесприютный,
Поддамся снова слабости минутной
И уроню на лист немного строк.

Листу бумаги расскажу как другу
О мыслях и волнениях своих.
Сомкнутся строки в сокровенный стих,
Своё воздав прекрасному досугу.

Поэзия есть зеркало души.
Чуть насыщая выражений краски,
Стих сокровенное предаст огласке.
И ты лишь сокровенное пиши!

Пусть лист уносит наших душ горенье
Незримым взмахом своего крыла.
Чтоб кто-то, позабыв про все дела,
Зажёгся, прочитав стихотворенье.

Источник вдохновенья

Средь скучных лиц, вершащих маскарад,
О, где найти источник вдохновенья?
Поэт лукавый может быть и рад
Безликие слагать стихотворенья.

Уже не хитрой мнится мне игра
Напрасных слов, натянутых улыбок.
Пора, уже давным-давно пора
Не повторять содеянных ошибок.

Как хочется уйти от суеты
В тот храм без стен, где только неба своды,
И хочется обычной красоты
В естественном творении природы.

Чтоб слушать звон хрустальной тишины
Сквозь звуки трепетного мира,
И в смутном чувстве счастья и вины
На миг понять, чего желает лира.

В минуты эти может быть и я
Почувствую природы откровенье
И в крохотной частице бытия
Опять найду источник вдохновенья.

За городом такая ночь!

За городом такая ночь!
Такая ночь, что мне не спится!
И я бегу всё дальше прочь
От шума и огней столицы.
Душа полна неясных дум,
А сердце лишь покоя просит.
Но только суету и шум
Круговоротом город носит.
Бездушье каменных громад
Всё больше неба отнимает,
И лжи рекламный маскарад
Меня удушьем обнимает.
Ах, городские жернова,
Вы души мелете людские!
Пока моя душа жива,
Она противится стихии.
И я бегу от лживых лиц,
Приклеивших себе улыбку.
Туда, где лёгкий щебет птиц
Колеблет призрачную зыбку,
Которой имя – новый день,
Где вновь и вновь колеблет разум
Стиха качнувшуюся тень,
Где всё душа приемлет разом!

Дни как чётки

Дни как чётки по времени нитке скользят
Чередой расписаны числа.
От объятий тоски убегаю сквозь годы назад —
Всё читаю из прошлого всплывшие письма

Время щедро. Но дар его нам не сберечь,
Как и в прошлое не возвратиться.
Могут письма напомнить давно позабытую речь,
Да альбомы – хранить наши юные лица

Жаль, отец не писал мне при жизни письма,
Я бы помнил в нём каждое слово.
Может быть,
на душе стала б мягче немного зима,
Не терзали б сомнением тени былого.

Вновь тоска обнимает.
Ах, где вы сегодня, друзья?
Дни как чётки по времени нитке скользят...

Друзьям потерянным

Когда слова слагаю в новый стих,
Уходят все пустые передраги,
Но вдруг, забывшись над листом бумаги,
Пытаюсь вспомнить я друзей своих.

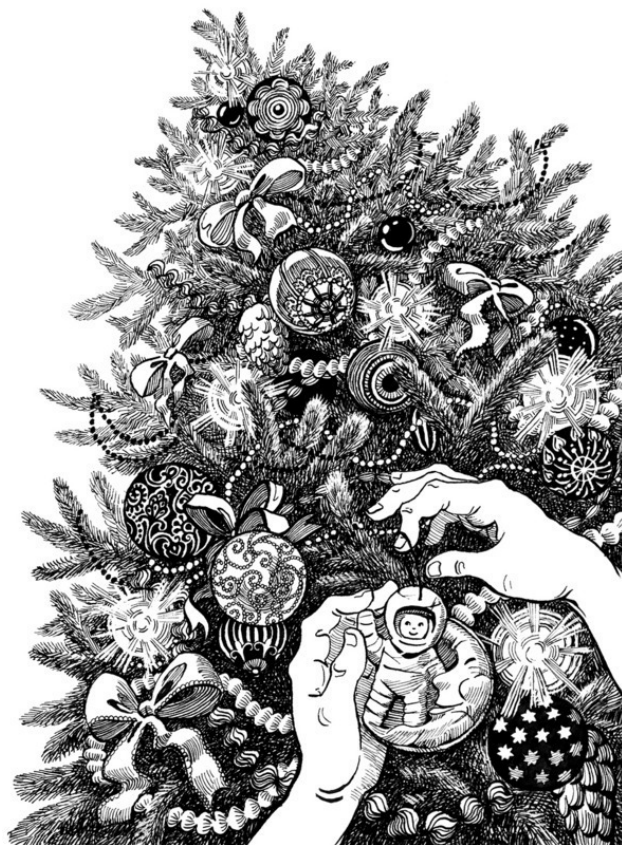
Где вы, друзья? Как жаль, что наших уст
Касается всё реже это слово,
И нас объять уже не сможет снова
Всплеск дружеского проявления чувств.

Ах, то, что время разметало нас —
Не самая гнетущая потеря.
Мне страшно то, что мы уже не верим
Друг другу так, как в прежний добрый час.

Теперь, велением иной поры,
И в бизнесе, и в чувстве все – партнёры.
И каждый партию ведёт матёро,
Не думая о правилах игры,

Но бескорыстен всякий мой досуг.
Я – не игрок! И не хочу быть первым.
Лишь чую, в глубине зажатым нервом:
Сочится боль вопросом: «где ты, друг?»

Где наш прекрасный творческий союз?
Где вы, друзья? В каком остались веке?
Но сон украдкой мне смыкает веки,
Сзывая шёпотом прекрасных муз.

«Новогоднее. Грустное». Иллюстрация: И. Таубе

Новогоднее. Грустное

У нас теперь искусственная ёлка
С гирляндой мигающих огней,
И я люблюсь как ребёнок ей:
Так хороша – к иголочке иголка.

Она из сказки – трудно наглядеться,
Но только сам не знаю, почему
Вся пышность кажется мне ни к чему,
А память тянет в собственное детство,

Где ёлка с незатейливой игрушкой —
Картонным космонавтом на луне,
Рукою радостно махнувшим мне,
Где радость от подарка под подушкой.

И голос мамы также удивлённой,
Вдруг вспомнившей, что форточки был стук,
Потом торжественный курантов звук...
Ах, этот праздник в ночь неугомонный!

Но вдруг очнусь, и предо мной всё тоже:
Гирлянда брызжет каплями огней,
И с каждым годом Новый год грустней,
Когда родных позвать уже не можем.

Размышление на кладбище

Мы кладбищ все побаивались в детстве,
Их обходить стараясь стороной.
И хоть они не предвещали бедствий,
Средь нас всегда был кто-то заводной,

Кто всякой выдуманной дребеденью
Стращал бездумно светлые умы.
И в бред не веря, всё же наважденью
Среди могил вдруг поддавались мы.

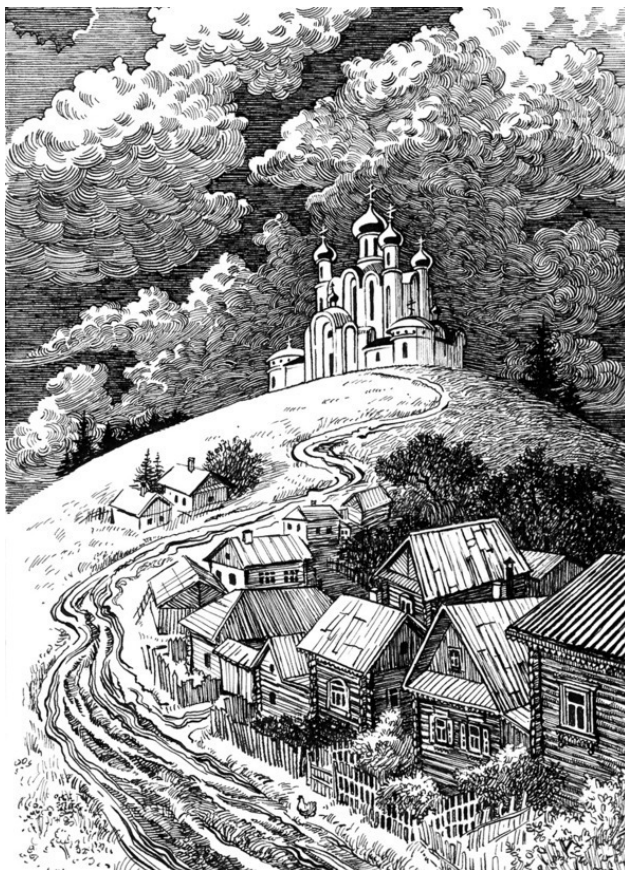
Но, в ходе лет, касаясь этой темы,
Трезвея, каждый просто понимал:
Все мертвецы недвижимы и немые,
И вид могил уже не так пугал.

И вот средь холмиков всех этих низких
Иные вдруг нам кажутся милей,
Когда своих знакомых или близких
Мы оставляем здесь в тени аллей.

Приходит время, и душа-невольник
Выходит на свободу наконец.
Пусть тело без неё – всегда мертвец,
Но мне приятней говорить «покойник».

Здесь внемлет всё дыханию покоя.
И я порой невольно замечал,
Что даже время в беге не такое,
Где души оставляют свой причал.

И на вопрос душевного томленья
Без страха детского отвечу я,
Когда душа со вздохом облегченья
Оставит всю тревогу бытия...

«Размышление на пути к храму». Иллюстрация: И. Таубе

Размышления на пути к храму

Дорог в жизни много. И есть одна к храму.
В ней есть лишь начало, но нет ей конца...
...А я вспомнил вдруг добродушную маму
И рано ушедшего в небыль отца...

Так, в мыслях нелёгких, гляжу в бездну неба —
Над храмом стемнело всё до черноты.
Таким этот вид никогда ещё не был!
О, небо, что хочешь сказать этим ты?

Но светится храм, и трава в ярких бликах.
Ах травы! Мне вас бы не мять, не косить!
Ах, мне бы дотронуться стен храма в ликах,
Защиты от бед всех у них попросить!

Но нет, не привык я. Да я и не смею —
Ведь это ж на душу принять грех большой,
Хоть я и безбожник, а всё ж не умею
Кривить перед богом своею душой.

Вот храм на пригорке. Так манит дорога
усталые ноги и дух на подъём,
И ум наполняют мой мысли о боге:
Куда мы без бога... и с богом идём?

И каждый из нас ищет свой путь ко храму,
Берущий начало с родного крыльца...
...А я вспомнил вдруг добродушную маму
И рано ушедшего в небыль отца...

Я вспомнил простые, их добрые лица,
Как был равнодушен к ним день ото дня.
Мне хочется им как святым помолиться
За то, что добру научили меня...

Сон-трава

Когда безвыходность со всех сторон
Обступит так, что никуда не деться,
Сознание уходит, словно в сон,
В воспоминанье сладостное детства.

Я помню, как в предчувствии весны
Холодная вдруг растворялась дрёма,
И, чтобы подглядеть природы сны,
Украдкой убегали мы из дома.

Едва очнувшийся от спячки лес,
Где сон зимы ещё сквозил прохладой,
Нам сокровеннейшее из чудес
Вдруг открывал, пленяя наши взгляды.

Пушистый стебель, листья! Сами вы —
Сон синевы с загадочным отливом!
Цветы проснувшиеся Сон-травы, —
Увидев Вас, я был таким счастливым!

Я вижу вас, когда со всех сторон —
Безвыходность. И снова, будто в детство,
Я окунаюсь в тот же дивный сон,
И никуда мне от него не деться...

Я – сын Надежды

*Я – сын Веры.
О, как помогла ты мне, мама!
Р. Рождественский. «Сын Веры»*

В своих стихах Рождественский сказал,
Что между равных был он сыном Веры.
И, как бы будни ни были бы серы,
Свое лицо он в вере обретал.

Мы в этом мире – все сыны Любви,
Мы все, мы все – её шальные дети.
Хоть не всегда она за нас в ответе,
Ты всё ж её за жизнь благослови.

Но есть меж нас – не знавшие вины,
Заблудшему сознанию примеры,
Сыны наивной и прекрасной Веры,
И есть Надежды верные сыны.

Я – сын Надежды. Может, в том залог
Надёжности и нежности очнётся,
Душевым откровеньем отзовётся,
Выплёскиваясь искренностью строк.

Когда Любовь от вас свой скроет лик,
И веры поколеблются устои,
Одна Надежда каплями настоя
Опять наполнит ваших душ родник.

Надежда! Надя! В имени твоём
Для многих столько вдруг соединилось!
Судьба у нас по многим прокатилась, —
Вот от того надеждою живём.

Не на удачу и не на авось, —
А лишь на лучшее, что есть на свете,
На то, что, может быть, хоть наши дети
Найдут всё то, что нам не довелось.

Родимый дом

Я вновь у стен родительского дома, —
Всё те ж дубы, берёзки за рекой, —
На сердце снова сладкая истома,
И прошлого встревоженный покой.

В живой игре затейного рисунка,
Как сказ, в резных наличниках фасад, —
В душе как будто задрожала струнка
На радостный, знакомый сердцу лад.

Ожившей песней предо мной поплыли
Воспоминанья милых детских лет...
Отцовский дом! Здесь стены сохранили
Безмолвный свой родительский завет.

Здесь всё хранит родительское слово!
Мой взор блуждает от стены к стене...
Как всё до каждой трещинки знакомо!
Как всё отрадно вновь увидеть мне!

Здесь, как рукой, с души снимает бремя
Растраченных в тщете поспешно лет,
И сквозь остановившееся время
Мне взгляды шлёт родительский портрет.

Отец по-доброму глядит, чуть строго.
Взгляд мамы – чистый, как вода в ключе,
И, словно знак хорошего итога, —
Рука отца на мамином плече.

Рука отца – она на всём, на всём:
От половицы каждой и до крыши!
Привет тебе! Привет, отцовский дом!
Отец, ты здесь? Я знаю, что ты слышишь!

Родимый дом так непривычно пуст
И тих, что даже ходиков не слышно!
Я переполнен от избытка чувств,
Но слишком поздно!

Ах, прости, – так вышло!

Я выхожу... Округа вся живёт!
Летят мальчишки на велосипедах.
На солнце греется ленивый кот,
Старухи в нескончаемых беседах.

И я иду, не смахивая слёз,
Река безудержно уносит воды,
И в зыбь её впечатались сквозь годы
Всё те ж дубы и тот же ряд берёз...

Городской соловушка

В старых московских кривых переулках,
Там, где плотнее сомкнулись дома,
В странных, порой угнетающих, звуках
Жизни столичной кружит кутерьма.

Ухнет подъезд ли железною пастью,
Мусоровоз прогремит ли в ночи,
Или сабвуфер оглохшей напастью
В городе сонном надрывно ворчит.

Хочешь – не хочешь, а слушай без воли
Грубо терзающий слух примитив.
Позже всё это заглушенной болью
В нас проявляется как негатив.

Так и живём ко всему привыкая,
Сердцем и душами чуть очерстнев.
Вдруг,

в душном городе – трель!

Да какая!

Да с переливами! Да нараспев!

Нет, невозможно! Но слух в самом деле
Песнь соловья ловит, словно здесь сад.
Так непривычно искусные трели
Слышать среди каменных хмурых громад.

Ах, ну откуда ты, неугомонный?
Здесь ли оттачивать голос и слух?
Город ведь кожей асфальто-бетонной
К песням так часто бездушен и глух!

Или ты просто искусственным трелям
Полифонией разлитых звонков
Хочешь ответить: «Не верю! Не верю!»
Души из каменных вырвать оков?

Будничный день в суе бесконечен,
Но и ему наступает конец.
Майскою лаской сгущается вечер,
Вновь пробуждается певчий храбрец.

Жаль, что никто только песней ответной
Не откликается трели твоей.
Знаешь, я сам ведь в душе соловей,

Может быть вместе споём в час рассветный?

Бульварное кольцо

Извечная иллюзия Москвы —
Средь улочек бульварное кольцо.
Его по кругу не пройдёте Вы —
Оно всегда с началом и концом.

Его начало там, где мы живём,
Иль путь свой ежедневный держим мимо.
И вдруг, с годами, позже сознаём,
Как всё знакомо и до камня чтимо.

От Сретенки к Неглинной резко вниз
Рождественский бульвар ныряет круто.
Над ним угрюмо монастырь навис,
А мы бульварным следуем маршрутом.

А вот – Петровский – снова на подъём
Зовёт своей горбатою спиною.
Набравшись сил, к Высоцкому идём,
Через Петровку, дальше, ко Страстному!

Страстной широк! Ну как тут не гулять!
Как не вдохнуть немного вдохновенья!
Ах, здравствуй, Пушкин! Дай тебя обнять!
У ног твоих застыть хоть на мгновенье!

Вот лентой длинной вытянут Тверской.
Есенин, размечтавшийся в сторонке,
Задумался над новою строкой,
Вокруг с конспектами сидят девчонки.

Тверской к Никитским нас ведёт вратам
«Большое Вознесенье» – тень бывшего!
И помним мы, что обвенчались там
Наш Пушкин и Наталья Гончарова.

Пройдём Никитский. Дальше, под Арбат,
В тоннель бегут машины в шумном гуле.
Ну, здравствуй, Гоголь! Что-то ты не рад, —
Я сам взгрустнул бы в этом карауле.

К Волхонке мы выходим напрямик,
Где, в честь себя покрывших ратной славой,
Как птица Феникс, заново возник
«Христос-Спаситель», возвышая главы.

Зелёные бульвары вы мои,
Вы кружите меня гостеприимно!
Я вновь и вновь вам признаюсь в любви —
И это, как мне кажется, взаимно.

Я рад, бульвары, каждому и всем!
Но чаще поминаю часом трудным
О Сретенском, коротеньком совсем.
Ну и, конечно же, о Чистопрудном.

Там детство шло – начало всех начал,
И я в ту пору, классиков не ведав,
Ещё мальчишкой буквы различал
На пьедестале: «Гри-бо-е-дов».

На Чистых, с детства помню, как сейчас,
Двух чёрных лебедей в союзе вечном.
Отцы сюда детьми водили нас,
А нынче мы приходим с подопечным.

И кажется, всё снова, как вчера...
И я искать глазами всё пытаюсь
Двух птиц в изыске чёрного пера,
Но здесь их нет, и я душой терзаюсь.

Уже и мне не свидеться с отцом,
И многое меняется в округе.
Но будут также называть кольцом
Бульваров ряд в разъединённом круге.

Когда душою ты ещё не стар,
Когда поэтам ты хороший друг, —
Приди в излюбленный тобой бульвар,
Для нас с тобою их не замкнут круг.

Болеро дождя

Давно, на даче, был не то, что случай,
А так, воспоминание одно:
Безмолвно пред дождём сгущались тучи —
Всё будто в действо было введено
Вселенскою рукою дирижёра,
Сводившего природный свой оркестр.
В безмолвьи кратком ощущалось: скоро
Стихия звуки выплеснет окрест.

Затишье было лишь приготовленьем.
Дела земные позабыв совсем,
С тревожно-радостным в душе томленьем
Я настороженно следил за всем.
Тогда, признаюсь, танец непогоды
Моё внимание исподволь увлёл.
Казалось, музыку живой природы
Незримый мастер из тиши извлёк.

Вот шёпот ветра пробежал по крыше,
Как будто о начале объявив.
Мне показалось, что я прежде слышал
В неотвратимость слившийся мотив:
Сквозь шум дождя, звучащий фоном слитно,
Раздался капель барабанный звук
С таким знакомым мне рисунком ритма:
Тук-тук-тук-тук... тук-тук-тук-тук... тук... тук...

И вновь четыре, и каскадом десять —
Ведь это ж надо так суметь сложить —
Я, вслушиваясь, начинаю грезить...
Вдруг в дробь нескончаемую нить
Мелодию свою вплетает ветер,
Её ведя тягуче, нараспев,
То на трубе, чей в небо взгляд так светел,
То в струнах веток плачущих дерев.

Не споря меж собой, и не сливаясь,
Две темы вместе вторились стократ...
В гипнозе звуков, словно забываясь,
Вдали от гула шумных эстакад,
Душа природы, разыгравшись, пела.
В ней звучную реальность обрело —
Дождём и ветром слаженно и смело
Без нот исполненное болеро.

В его звучании копилась сила,
Но, оборвав неистовую мощь,
Стихия танец свой остановила —
Как будто разом выдохнула ночь...
Игрой своею болеро венчало
Прекрасную стихию естества.
Так творчества природное начало
Питает зыбкий пламень мастерства.

Идём под радугу!

Я помню радугу в огромном поле, —
Спустив к земле цветные рукава,
Она всю высь объяла... Поневоле
Мы замерли... и только сердца два,

Как два птенца трепещущих забились,
И ни одной живой души вокруг.
Восторг природы! Мы, как сговорились,
Решив пойти под дивный полукруг.

И осторожно, прибавляя шаг,
Как будто опасаясь не успеть,
Мы шли и шли, а дождь, разбрызгав влагу,
Пытался сверху что-то нам пропеть.

Сияющее в небе коромысло
Краями в землю всё же не вросло,
Нам лишь казалось, что оно повисло,
Дыханьем неба медленно несло

Его от нас, и становилось ясно,
Что в те врата, увы, нам не войти,
Но на душе вдруг стало так прекрасно,
Ведь мы могли всё поле перейти.

Тогда с тобою, сердцем замирая,
Не думая о божьих чудесах
Мы ликовали пред вратами рая,
Что растворились прямо на глазах.

И кажется мне: я так счастлив не был,
Как в те мгновения, когда могли
Мы вместе видеть радугу в полнеба,
Обнять пытавшуюся полземли.

Вязниковские вишни

Алексею Фатьянову

Сыплет вишня белым цветом —
Не узнать наш городок.
Доброй вестью с лёгким ветром
Цвет ложится на порог.
Лепестками я наполню
Приготовленный конверт —
Милой девушке напомним,
Что я жду её ответ.
Пусть от этого цветенья
Вся округа в снег бела.
В том конверте, без сомненья,
В лепестках звучат слова.
Время писем лепестковых
Я б хотел вернуть назад.
Столько зим прошло суровых!
Где ты, мой вишнёвый сад?
Лишь глаза свои закрою —
Правда это или нет —
Вижу город над рекою...
Сыплет вишня белый цвет!

Май **(из цикла «Коловорот»)**

Давай смелее, солнцеглазый май!
Обрызгай зеленью деревьев кроны!
Теплом своим сильнее обнимай,
Своей цветущей лаской неуёмной!

Смелее, май! Тебе здесь каждый рад!
Разлей вокруг пьянящий дух сирени!
И звуки соловьиных серенад
Разлей в ночи как трепет откровений!

Осыпь же в память отшумевших выюг
Сады, как снегом, лепестками цвета!
Тобою, май, весны замкнётся круг.
Цветенья утренник! Предтеча лета!

Белое на белом

В гостиной воздух запахом щекочет —
Цветов внесённых дух пьяняще густ.
Букет пионов, пышный, будто куст,
Триумфом дня остаться в сердце хочет.

В изыске лёгком белого на белом
Бутоны шепчут: «трепет чувств лови»
И в жажде чьей-то ласки и любви
Как будто жертвуют невинным телом.

И, оживая фоном натюрморта,
Преобразуется гостиной вид:
В ней всё картинным таинством хранит
Томление душевного комфорта.

На скатерть белую штрихом несмелым,
Как будто кисти лёгкие мазки,
Роняют белые пионы лепестки —
Невинность жертвы – белое на белом.

Белая ночь

Пьянеет свет небесных сфер
Вечерней нежностью в июне,
А отсвет дней – туманно-сер —
Мир словно маятник качнули!

Душа наивна и светла
В пылу божественной затеи.
Омыв в ночи свои крыла
Как будто ангелы запели!

Как акварельна ночи тень —
Поэма северного лета!
Пусть ночь бела, а чёрный день
Ни в ком не ведает ответа!

«Полевые цветы». Иллюстрация: И. Таубе

Полевые цветы

Травина каждая цветёт
Своим цветком неповторимым —
И радость краткую даёт
Нам в мире скучно-суетливом.
Нас в этом мире тяготит
Тщета забот и ложь стремлений,
Порок нам в души клином вбит,
И нам уже не до растений.
Пусть до сих пор среди лугов
Они растрачивают нежность —
Названья полевых цветов
Стирает в памяти небрежность.
Нас город крепко заключил
В свои жестокие объятия,
А всё же вас я не позабыл,
Полей цветущие собратья!
Возможно, где-то на селе
Ещё плетут венки девчата —
Венка на милом мне челе
Я не увижу, как когда-то.
Пусть роскошь вянущую ты
С годами больше забываешь,
Мне будет сниться, как цветы
Себе ты в волосы вплетаешь...

Осколки лета

В лепестковый ковёр осыпается цвет,
Стелет пурпуром нежную россыпь.
Чашу лета качнув, свой прощальный привет
Увядающий флокс мне приносит.

В нём – всё буйство поры кратких летних забав,
Ностальгия щемящего ретро.
В нём – тот сладостный миг, что цветенье познав,
Обжигается пламенем ветра.

Есть в природе извечный один парадокс,
Обнимающий сердце поэта:
Всё теряет свой цвет... Рассыпается флокс
На осколки поблекшего лета.

Пока нет мух...

Пока нет мух, на нити паутины
Рассвет нанижет биссером росу.
Природы сон развеется в картины,
Расзавесив зыбкости красу.

В природе нет канона строгой меры,
Сетей двух равных не плетёт паук,
Но каждым утром он даёт премьеры
Ажурных кружев, вовлечённых в круг.

Так, в круге смутных, трепетных волнений,
Пока рассвет душевный не затих,
Мы нити строк в ажур стихотворений
Плетём, не зная, что отыщем в них.

В прикосновении к азбуке искусства
Вернее глаз, изысканнее слух,
И будит отклик трепетного чувства
Паучья сеть в росе, пока нет мух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.